

Сугубо психологический и трагический замысел романов Достоевского обусловил собой и их особую форму. — Они построены на нарастании трагической ситуации, достигающей обычно своего апогея к самому концу. Но как художник Достоевский отлично отдавал себе отчет в опасностях «пресыщения» драматизмом и трагизмом. Именно поэтому в романах Достоевского мы встречаем столько эпизодических лиц, вставных сцен, иногда немало жестокого своеобразного юмора, и нередко — почти протокольного реализма, в жанре которого ведется сюжетное повествование. (Особенно характерны в этом отношении «Бесы», где весь рассказ ведется от имени некоего анонимного и отнюдь не слишком глубокомысленного рассказчика, которому известны, однако, все нити сложного сюжета).

Если Толстой рисует свои характеры часто на протяжении всей их жизни, причем мы воочию наблюдаем их созревание и постарение, то Достоевский «подает» своих героев в самые критические моменты или периоды их жизни. Он как бы ставит своих героев в предельные, критические ситуации, заставляя этим самым раскрыться их до конца, до последних извивов души.

Писатель как бы экспериментирует со своими героями, подавая их под высоким атмосферным давлением, чуть ли не в психологически-лабораторных условиях. Мережковский сравнивал в этом отношении романы Достоевского с опытами при крайне высоких или крайне низких температурах, когда воздух становится жидким, когда железо испаряется и т.д. Если бы Мережковский писал свой знаменитый труд в наше время, то он, несомненно, сравнил бы психологическую атмосферу романов Достоевского с процессами, совершающимися в атомных реакторах. Атомы души у Достоевского как бы расщепляются на мельчайшие психологические микрочастицы, причем иногда происходят своего рода «атомные взрывы душ».

Когда некоторые читатели упрекают Достоевского в нарушении жизненной, точнее, бытовой реалистичности, то они по-своему правы, хотя и не правы по существу.

Таких героев, как Ставрогин или князь Мышкин, действительно, «не бывает» в условиях обычной жизни. Но эти образы, говоря словами писателя, «реальны в высшем смысле» — они представляют собой *воплощение психологических возможностей*, редко реализующихся в нормальной, бытовой жизни. Это не исключает того, что, как художник, Достоевский, конечно, — реалист. Но опять-таки он реалист «в высшем смысле» — Достоевский рисует не только и не столько эмпирическую действительность, сколько те психологические возможности, которые таятся в ней. Достоевский — художник безграничных душевных возможностей, — как во зле, так и в добре.

Все это, повторяем, обусловило собой особую структуру его романов. — Мы сказали уже, что его произведения развиваются не столько вширь, сколько вглубь. Попытаемся теперь уточнить эту параболу.

Некоторые критики уже давно обратили внимание на многоплановость романов Достоевского, на наличие в них более внешних и более внутренних пластов. Одним из первых подчеркнул эту многоплановость Вячеслав Иванов. Другой критик, Сергей Гессен, различает в романах Достоевского три основных плана — первый — внешний, сюжетный, построенный обычно на запутанной интриге, включая криминально-детективные хитросплетения. Далее — второй, более внутренний, психологический план, в измерении которого Достоевский производит головокружительные экскурсии в область глубин подсознания. В этом втором плане Достоевский занят, — мало сказать, психологическим анализом, — он занят «психоанализом» (хотя сам психоанализ появился четверть века спустя после